

СОВРЕМЕННАЯ АБИССИНІЯ.

Обряды и обычаи.

(изъ рассказовъ туземца) ¹⁾.

Въ каждомъ населенномъ уголкѣ, гдѣ найдется 40 или 50 абиссинскихъ хижинъ, среди его обитателей всегда есть какой-нибудь мудрый, опытный человѣкъ, старикъ или старуха, къ которому населеніе уголка обращается въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется произвести хирургическую операцію надъ кѣмъ-либо изъ людей или животныхъ. Это, слѣдовательно, своего рода хирургъ. У него есть только одинъ хирургическій инструментъ — бритва и нѣсколько стклянокъ съ успокоительными и наркотическими настоячками. Вотъ всѣ средства, которыми онъ располагаетъ. За то кругъ его хирургической дѣятельности очень широкъ.

Въ числѣ его паціентовъ — большинство абиссинскіе новорожденные младенцы, потому что никто не въ состояніи такъ умѣло произвести обрѣзаніе (*circumcidere praeputium*), какъ этотъ единственный во всемъ околоткѣ операторъ. Онъ не бѣденъ и потому ничего не требуетъ за свой трудъ, кромѣ благодарности.

Какъ только младенецъ немного укрѣпится физически, что считается возможнымъ не прежде восьми дней отъ рожденія, его несутъ къ хирургу для операціи. Это дѣлаютъ всѣ абиссинцы безъ исключенія.

Обрѣзаніе — всеобщій обычай въ Абиссиніи, но онъ не сопровождается никакими обрядностями, и было бы ошибочно на основаніи этого обычая считать абиссинцевъ іудействующими христіанами. Всѣ абиссинцы смотрятъ на обрѣзаніе,

¹⁾ См. Апрель, Май и Августъ.

только какъ на полезный обычай страны, который вполне соотвѣтствуетъ гигиеническимъ потребностямъ ея обитателей, но вовсе не думаютъ придавать ему какое нибудь значеніе для вѣры и спасенія. Всѣ абиссинскіе жители, говоря объ обрѣзаніи, указываютъ лишь на его гигиеническое значеніе и чтобы показать себя чуждыми пристрастія къ ветхозавѣтному обряду, всегда настойчиво отрицаютъ церковное значеніе обрѣзанія въ христіанствѣ, подтверждая эту мысль извѣстными словами св. ап. Павла, что во Христѣ Иисусѣ безразлично какъ обрѣзаніе, такъ и необрѣзаніе. Спасеніе только въ томъ, чтобы вѣровать въ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти (Галат. V, 6 и парал.). Фразы извѣстныхъ абиссинскихъ писателей въ этомъ смыслѣ всѣми и учеными и простыми людьми одинаково повторяются всякій разъ, когда пойдетъ рѣчь объ обрѣзаніи. Абиссинцы даже не наблюдаютъ строго восьмидневный срокъ, предшествующій обрѣзанію: не допуская обрѣзанія младенца ранѣе восьми дней отъ рожденія въ виду слабости ребенка, они дѣлаютъ это послѣ восьми дней, когда угодно, но только до крещенія. Впрочемъ случается, и даже нерѣдко, что мать по забывчивости приноситъ къ церкви для крещенія необрѣзаннаго ребенка, за что получаетъ отъ священника епитимію и внушеніе съ требованіемъ тотчасъ послѣ крещенія поправить ошибку разсѣянности.

Итакъ абиссинцы употребляютъ обрѣзаніе не изъ пристрастія къ ветхозавѣтному обряду, а просто отдавая дань климатическимъ условіямъ тѣмъ способомъ, который освященъ традиціями страны. Какъ извѣстно, всѣ почти жители жаркихъ странъ, магометане ли или язычники совершаютъ обрѣзаніе надъ младенцами обоюго пола.

Если обрѣзаніе у абиссинцевъ не болѣе, какъ хирургическая операція, то за то таинство крещенія совершается у нихъ торжественно и чинно. Изъ уваженія къ нему не позволяется крестить младенца ранѣе положеннаго срока очищенія. Для мальчика этотъ срокъ составляетъ 40 дней, а для дѣвочки 80. Исключеніе дѣлается лишь въ случаѣ опасности смерти. Для новорожденнаго отыскивается воспріемникъ — уасъ, одинъ, только соотвѣтственно полу ребенка. Уасъ обязанъ быть, какъ и у насъ, поручителемъ за ребенка въ исполненіи имъ обѣтовъ крещенія.

По истеченіи времени очищенія, мать въ сопровожденіи уаса приносить своего младенца къ храму. Въ воротахъ церковной ограды она останавливается и, поклонившись съ младенцемъ св. храму, идетъ внутрь ограды. Тамъ она садится на камнѣ, предназначенномъ для родилицъ, въ ожиданіи выхода изъ храма священнослужителей. Камень родилицъ помѣщается противъ западныхъ дверей храма—позади другаго небольшого возвышенія изъ камней, на которомъ утверждается ваптистиріонъ—купель, мѣдный, большой круглый сосудъ въ видѣ таза. Возлѣ крещальнаго престола на землѣ ставятся водоносы, наполненные чистой водой. Ихъ приноситъ церковный прислужникъ. Наконецъ, выходятъ изъ храма клирики: впереди идутъ діаконы въ короткихъ фелоняхъ, за ними священники въ облаченіи. Старшій изъ нихъ подходитъ къ родилицѣ и, взявъ изъ ея рукъ младенца, покланяется съ нимъ на всѣ четыре страны свѣта. Это означаетъ поклоненіе Всемогущему Богу, Творцу вселенной. Между тѣмъ одинъ изъ діаконовъ выливаетъ воду изъ водоносовъ въ купель и зажигаетъ свѣчу, которая вставляется въ плавающій посреди купели пробочный подсвѣчникъ. Свѣча эта горитъ во все продолженіе чтенія крещальныхъ молитвъ до момента совершения самаго таинства. Служба крещенія начинается чтеніемъ длиннаго ряда псалмовъ и молитвословій, которыя постепенно переходятъ въ заклинанія демоновъ, проклятія всѣхъ ересей и обѣты служить истинному Богу. Отвѣты, необходимые при этомъ, даетъ за ребенка его носпріемникъ, который въ заключеніе читаетъ символъ христіанской вѣры. Потомъ бываетъ помазаніе всѣхъ частей тѣла ребенка елеемъ и чтеніе отдѣловъ изъ Апостола и Евангелія. Вода, налитая въ купель, освѣщается особыми молитвами священниковъ. Въ этихъ молитвахъ испрашивается у Бога благодать для воды, а въ заключеніе старшій священникъ, знаменуя воду св. крестомъ, возглашаетъ трижды: „да будетъ вода сія едино съ тою, которая изошла изъ ребра Твоего, Спаситель нашъ“! Съ этого момента никто не имѣетъ права прикасаться къ освященной водѣ. Діаконы съ благоговѣніемъ сливаютъ ее обратно изъ купели въ водоносы. Все это переносится затѣмъ на другое мѣсто въ глубинѣ ограды, гдѣ обыкновенно совершается важнѣйшая часть таинства. Тамъ нѣтъ ничего

особеннаго. Купель ставятъ на землѣ и одинъ изъ діаконовъ держитъ надъ ней обѣими руками младенца, а въ это время старшій священникъ, имѣя въ лѣвой рукѣ крестъ, прикладываетъ подножіе его къ головѣ ребенка, а правой беретъ воднось, полный крещальной воды, и изливаетъ ее въ изобилии на крестъ. Вода, обливая крестъ и тѣло ребенка, стекаетъ въ купель. Это дѣлается три раза съ короткими перерывами, причемъ произносятся совершительныя слова крещенія: „крещаю тебя во имя Отца (1-е обливаніе), во имя Сына (2-е), во имя Духа Св. (3-е)“. Діаконъ произноситъ: „аминь“, а священникъ присовокупляетъ: „да будетъ тебѣ имя такое-то“. Имя дается или соотвѣтственно желанію родителей или, по большей части, въ память святаго празднуемаго въ день рожденія младенца. На шею новокрещеннаго тотчасъ послѣ обливанія возлагается крестикъ, который у бѣдняковъ замѣняется веревкой съ узломъ. Этимъ служба крещенія заканчивается. Второй священникъ читаетъ надъ крещальной водой разрѣшительную молитву, долженствующую обратить св. воду въ обыкновенную. Діаконъ тутъ же выливаетъ ее въ углубленіе, сдѣланное подъ стѣной ограды.

Слѣдуетъ таинство мвропомазанія; для совершенія его всѣ снова приходятъ въ то мѣсто, гдѣ служилась пригостительная часть крещенія т. е. предъ западныя двери храма. Одинъ изъ священниковъ подаетъ сосудъ со св. мвромъ, а старшій, обмакнувъ въ мвро струецъ, помазываетъ имъ части тѣла ребенка, причемъ дуетъ въ лице его со словами: „пріими Духа Святаго“. По совершеніи помазанія іерей изъ рукъ діакона передаетъ ребенка уасу съ обычнымъ наставленіемъ въ обязанностяхъ воспріемника. Наконецъ, всѣ входятъ внутрь храма, гдѣ ради новокрещеннаго обязательно совершается литургія, за которой его причащаютъ св. Таинъ,—именно Пречистой Крови. Замѣчательно то, что въ Абиссиніи строго запрещается матерямъ кормить младенцевъ въ день крещенія ихъ ранѣе окончанія обѣдни. На новаго сына церкви налагается такимъ образомъ нѣкотораго рода постъ.

Въ объясненіе укоренившагося въ Абиссиніи обычая обливанія, а не погруженія, абиссинскіе ученые указываютъ

на то, что будто-бы такимъ способомъ крещенъ былъ отъ Іоанна Самъ Христосъ Спаситель.

Когда все уже исполнено по закону, по окончаніи обѣдни, священники и весь клиръ, знакомые и родственники новокрещеннаго располагаются въ церковной оградѣ, гдѣ имъ предлагается трапеза, обилующая яствами и питіями. На эту трапезу приглашается и хирургъ, обрѣзавшій ребенка.

Св. муро абиссинская церковь получаетъ отъ коптскаго — александрийскаго патріарха, но не въ достаточномъ количествѣ, такъ что его не хватаетъ для всѣхъ приходоу и въ нерѣдкихъ селахъ вмѣсто св. мюра употребляется освященный елей. Въ такое затрудненіе абиссинская церковь поставлена своею зависимостью отъ коптскаго патріарха, сношенія съ которымъ за неудобствомъ путей сообщенія не могутъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ церкви. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть. Св. муро патріархъ присылаетъ абиссинскимъ епископамъ, которые чрезъ священниковъ раздають его въ приходскія церкви. Самъ священникъ долженъ ѣхать за муромъ для своего прихода къ епископу. Никто другой, даже діаконъ и монахъ не вправѣ прикасаться къ мурному сосуду. Если это и случается по нечаянности, то на виновнаго налагается тяжелая эпитимія. За дальностью разстоянія отъ епископской резиденціи и за неудобствомъ путей, ѣхать за св. муромъ бываетъ для нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ почти невозможно, тѣмъ болѣе, что и самое путешествіе можетъ оказаться безуспѣшнымъ. Сосудъ со св. муромъ хранится всегда въ алтарѣ подъ престоломъ.

Муропомазаніе совершается еще надъ самодержавнымъ негусомъ Эііопіи. Царь пріѣзжаетъ для этого въ Акеумъ, древнюю первопрестольную столицу абиссинскаго царства. Здѣсь въ знаменитомъ Сіонскомъ соборѣ митрополитъ помазываетъ негуса эііопскаго на царство, причемъ возглашается полный его титулъ съ перечисленіемъ всѣхъ подвластныхъ новопоставленному императору царствъ, народовъ, племенъ, княжествъ и провинцій. Впрочемъ такое торжество бываетъ въ Аксумѣ только въ мирное время, а въ случаѣ смуть, обычно предшествующихъ воцаренію, помазаніе совершается ради ускоренія гдѣ-понало, даже прямо

въ покояхъ императора, или въ станѣ, въ царскомъ шатрѣ, куда прибываетъ митрополитъ со св. муромъ, окруженный цѣлымъ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ, обязанныхъ охранять епископа, если на него нападутъ враги новаго царя, жалающіе воспрепятствовать помазанію его на царство.

Обычными кандидатами священства въ Абиссиніи являются всѣ грамотные благочестивые міряне или монахи. Окончившихъ литургическую школу такъ мало, что въ средѣ священно-служителей рѣдко встрѣчаются лица, получившія образованіе въ этой школѣ. Притомъ и требованія отъ кандидата священства касаются въ Абиссиніи болѣе нравственныхъ и физическихъ качествъ человѣка, нежели умственныхъ. Каковы же эти требованія? Ищущій священства долженъ быть дѣвственникъ, хорошаго поведенія, ни въ чемъ дурномъ неуличенный. Онъ не долженъ имѣть никакого физическаго недостатка, даже самаго незначительнаго, напр. поврежденія пальца на рукѣ или на ногѣ, болѣзни глазъ и проч. Физическое безобразіе считается чуть ли не главнымъ препятствіемъ для вступленія въ іерархію. Явившійся въ епископскій городъ за полученіемъ какой-нибудь степени священства долженъ предварительно представиться епископу въ его дворцѣ. Онъ долженъ выждать такое время, когда уже соберется достаточное количество кандидатовъ, и вотъ въ толпѣ ихъ, предводительствуемой какимъ-нибудь придворнымъ епископскимъ чиновникомъ, идетъ въ покои епископа. Тамъ всѣмъ прибывшимъ епископъ даетъ общее благословеніе и назначаетъ день, въ который намѣренъ ихъ посвятить. Наканунъ этого дня, это обыкновенно въ субботу, или наканунъ какого-либо большаго праздника бываетъ для искателей сана экзамень. На площади предъ архіерейскимъ дворцомъ собирается пародъ, и особенно ученые люди. Во главѣ всѣхъ стоитъ архимандритъ или ученѣйшій лика. Онъ обязанъ руководить испытаніями. На возвышенномъ мѣстѣ среди площади ставится аналой съ двумя книгами: Апостоломъ и Евангеліемъ. Всѣ искатели сана по одиночкѣ подходятъ къ аналою, чтобы громогласно предъ всѣмъ собраніемъ обнаружить свою способность въ чтеніи древне-зеіопскаго священнаго текста. Ищущій діаконства читаетъ изъ Апостола, а ищущій священства—изъ Евангелія. Мѣста для чтенія тутъ же опредѣляетъ каждому самъ

предсѣдатель собранія. Нужно читать погромче, поскорѣе, умѣть разбирать слова и хорошо вибрировать голосомъ такъ, какъ это дѣлаютъ служащіе въ церкви. Кто хорошо прочитаетъ свое мѣста, того предсѣдатель отсылаетъ на правую сторону; но кто сдѣлалъ хоть одну ошибку, того тотчасъ бьютъ по щекѣ и отсылаютъ влѣво. По окончаніи экзамена предсѣдатель спрашиваетъ имена всѣхъ, стоящихъ на правой сторонѣ и записываетъ на свиткѣ, который тотчасъ подаетъ епископу. На другой день за литургіей вся толпа признанныхъ достойными кандидатами священства приводится къ епископу. Онъ поочередно посвящаетъ ихъ чрезъ возложеніе рукъ; въ пресвитерскую степень онъ рукополагаетъ ставленниковъ внутри алтаря, предъ св. престоломъ, а въ діаконскую—въ царскихъ вратахъ въ виду народа. На каждое посвященіе клиръ вслѣдъ за епископомъ отвѣчаетъ: „*ἄξιος, ἄξιος, ἄξιος!*“

Въ Абиссиніи совсѣмъ нѣтъ опредѣленія приходскихъ штатовъ. Въ каждой церкви или приходѣ можетъ быть какое угодно случайное число членовъ клира, которое во всякое время можетъ увеличиться или уменьшиться, если того пожелаютъ всѣ клирики прихода во главѣ съ настоятелемъ церкви. Потому въ Абиссиніи и нѣтъ того, что у насъ называется вакансіей, и не требуется, чтобы непременно всякій посвящаемый въ санъ, былъ командированъ въ тотъ или другой приходъ. При посвященіи о приходѣ никто не говоритъ и не думаетъ. Если ищущій священства удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, его епископъ посвящаетъ, но опредѣленнаго назначенія ему не даетъ. Послѣ посвященія, новопоставленный можетъ отправляться куда ему угодно. Естественнѣе всего ему направить стопы свои въ тотъ приходъ, откуда онъ родомъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ его всѣ знаютъ и клиръ прихода, можетъ быть, съ объятіями встрѣтитъ своего новаго собрата. Впрочемъ ставленникъ мало думаетъ о томъ, гдѣ ему служить и найти мѣсто. Онъ, кажется, скорѣе отправится въ какой-нибудь замѣчательный дебрь или монастырь помолиться. Не думая вовсе о мѣстѣ, онъ идетъ намѣченной дорогой, проходя города и веси. Встрѣтится ему знакомое село, гдѣ онъ бывалъ,—тутъ онъ зайдетъ къ священникамъ, и часто случается, что тутъ же и остается навсегда членомъ клира.

Если его никто изъ священниковъ прихода не знаетъ, то ему нѣтъ надежды отслужить здѣсь хоть одну обѣдню. Ставленной грамоты онъ не имѣетъ, а объ его санѣ узнаютъ только по одеждѣ, да и то, если онъ священникъ, а если діаконъ, то его не узнаютъ, потому что діаконы одѣваются въ Абиссиніи, какъ міряне или же какъ простые монахи, если они таковы по своему образу жизни.

Наряду съ этой картиной выступаетъ другая. Самъ настоятель какого-нибудь прихода съ согласія всѣхъ членовъ своего клира желаетъ имѣть въ своемъ приходѣ еще одного священника или діакона. Естественно ему обратиться къ членамъ своей паствы, не найдется ли въ средѣ ея мірянинъ, хорошо грамотный и способный къ служенію. Если таковой найдется и при этомъ изъявитъ искреннее желаніе приобщиться къ братіи клира, то отправляется вмѣстѣ съ настоятелемъ или одинъ къ епископу для полученія сана. А если по близости найдется уже рукоположенный священно-служитель, не имѣющій прихода, или желающій перемѣнить приходъ, то еще легче и скорѣе его пригласить и настоятель отъ лица всего прихода призываетъ его въ свой приходъ. Чаше же всего бываетъ первый случай. Новый членъ клира получаетъ уже съ доходовъ этого клира и съ земли его опредѣленную долю наравнѣ съ другими своими собратьями. Тутъ онъ строитъ себѣ домъ вблизи храма и устраивается на жительство.

Въ числѣ нравственныхъ качествъ, требуемыхъ отъ кандидата священства, было указано дѣвство. Требованіе это такъ сильно въ Абиссиніи, что не допускаетъ никакихъ исключеній. Ни одинъ женатый не можетъ быть посвященъ въ первую степень священства. Только посвященный уже въ діакона можетъ жениться, если пожелаетъ, и получить послѣ брака посвященіе въ новую степень пресвитерскую. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ средѣ абиссинскихъ священно-служителей очень мало женатыхъ лицъ: тамъ большинство или дѣвственники или постриженные монахи. Діакону запрещается два раза жениться, а священнику вовсе нельзя вступать въ бракъ; онъ могъ сдѣлать это лишь до рукоположенія въ пресвитера. Разводъ священно-служителямъ тоже запрещается. Разведшійся долженъ прекратить свое служеніе, а если примирится съ женою, можетъ отправлять

свои священническія обязанности опять, если пожелаетъ и если еще на это послѣдуетъ согласіе клира. — Что касается возраста, опредѣленнаго въ Абиссиніи для ставленниковъ, то тамъ въ діакона посвящаютъ даже моложе 15 лѣтъ, но въ священника не моложе 25 лѣтъ. Таковы общія правила относительно клира; они считаются главными и потому соблюдаютъ очень строго.

Въ Абиссиніи браки заключаются не по любви. Романтизмъ даже не коснулся этой дѣйственной страны. Основой заключенія брака служитъ здѣсь фамиліное и имущественное положеніе жениха и невѣсты. Требуется, чтобы оба лица, вступающія въ бракъ принадлежали къ равнымъ по знатности домамъ и чтобы имущество невѣсты своею величиною ровно вдвое превосходило имущество жениха. Такъ, если у жениха 300 воловъ, 100 овецъ, 200 муловъ, то въ невѣсты къ нему можетъ рассчитывать только та дѣвица, у которой окажется 600 воловъ, 200 овецъ, 400 муловъ и т. д. Если фамилія невѣсты не выше и не ниже фамиліи жениха, то бракъ возможенъ при выполненіи втораго главнаго условія: именно, всѣ родственники невѣсты, въ случаѣ несостоятельности ея родителей, должны установить требуемое имущественное соотвѣтствіе между ихъ родственницею и ея женихомъ. Остальныя качества—физическія и нравственныя при заключеніи браковъ между абиссинцами занимаютъ второстепенное мѣсто и, собственно говоря, даже совершенно игнорируются, какъ мы увидимъ ниже.

Всякій абиссинецъ, желающій найти себѣ подругу жизни, призываетъ къ себѣ свата (амача), имѣющагося въ каждомъ городкѣ и селѣ. Сватъ-амачъ — это извѣстное всему окружному населенію лице, къ которому обращаются всѣ безъ исключенія женихи одной мѣстности съ порученіемъ найти имъ невѣсть. Замѣтимъ еще, что въ каждомъ, болѣе или менѣе обширномъ населенномъ уголкѣ найдется не одинъ амачъ, а два, три и болѣе. Встрѣчаются престарѣлые амачи, практикующіе по нѣскольکو десятковъ лѣтъ. Такой амачъ, смотря на окружающіе его районъ поселки и выросшія хижины можетъ съ гордостью сказать: „я ихъ собралъ“! Дѣйствительно, счастье брака зависитъ всецѣло отъ амача и, если онъ приобрѣлъ извѣстность своею практикою и благополу-

чѣмъ созданныхъ имъ браковъ, то къ нему скорѣе обращаются, чѣмъ къ его конкурентамъ. Да онъ, кажется, уже довольно умножилъ свое состояніе изъ лептъ своихъ кліентовъ. Скоро онъ совсѣмъ откажется отъ своего труда, предоставивъ его молодымъ своимъ преемникамъ. Если онъ возьмется устроить кому либо бракъ, то, надо думать, потребуеть за это не одинъ десятокъ быковъ.

За то трудъ амача тяжелъ и отвѣтствененъ. Призванный кліентомъ, онъ выслушиваетъ отъ него краткія наставленія въ томъ, какую онъ долженъ искать ему невѣсту. Женихъ рисуеть, такъ сказать, предъ амачемъ идеаль своей невѣсты, тотъ образъ, которымъ амачъ обязанъ руководиться при отыскиваніи невѣсты, если желаешь угодить своему кліенту. О фамильномъ и имущественномъ положеніи жениха амачу нѣтъ надобности спрашивать. Онъ самъ прекрасно знаетъ всѣхъ обитателей своего района. Женихъ долженъ сообщить ему только о физическихъ и нравственныхъ качествахъ своего идеала, остальное дополняютъ уже соображенія и ариметика амача. Съ посохомъ въ рукѣ онъ отправляется въ далекую страну, какъ говорится, за тридевять земель. Обычаемъ страны требуется, чтобы невѣста находилась какъ можно дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣеть свое постоянное пребываніе женихъ; она должна быть взята издалека, изъ чужой страны. Пройдя нѣсколько княжествъ и провинцій, амачъ, сообразивъ, что зашелъ далеко, начинаетъ спрашивать встрѣчныхъ прохожихъ на перекресткахъ дорогъ и на стогнахъ улицъ: не знаютъ ли они здѣсь такой-то и такой-то дѣвушки, изъ такой-то фамиліи, съ такимъ-то имуществомъ и проч.? Прохожіе догадываются, въ чемъ дѣло и направляютъ амача, куда слѣдуетъ. Отыскавъ домъ, гдѣ есть дѣвушка, соотвѣтствующая намѣченнымъ требованіямъ, амачъ поселяется въ немъ на такое время, какое понадобится для нужныхъ развѣдокъ, а предварительно узнаеть о согласіи родителей, чтобы трудъ не былъ напрасенъ. Амачъ долженъ на мѣстѣ и лично самъ разузнать все относительно невѣсты, и собственно не только относительно одной невѣсты и ея родителей, а о всѣхъ ея родственникахъ: насколько они богаты и знатны. Если вдругъ окажется хотя малѣйшій недостатокъ, нарушающій требуемое фамильное и имуществ-

венное соотвѣтствіе обоихъ лицъ, бракъ считается невозможнымъ. Амачъ долженъ искать другую дѣвушку. Конечно, и родители дѣвушки съ своей стороны разспрашиваютъ о женихѣ, прежде чѣмъ дать согласіе на бракъ.— Но вотъ амачъ нашель ту, которую искаль, и родители ея согласны на предлагаемый бракъ. Тогда амачъ возвращается къ жениху и тутъ описываетъ все, что видѣль и слышалъ. Понятно въ этомъ случаѣ положеніе амача: можетъ ли онъ сказать всю правду? Правдивость можетъ повести къ тому, что женихъ откажется отъ невѣсты, и тогда, значить, весь трудъ амача пропаль совершенно даромъ! Не удивительно, если амачи прибѣгаютъ къ работѣ фантазіи: она спасаетъ ихъ отъ капризовъ кліентовъ. Предположимъ, что найденная дѣвушка по фамильному и имущественному положенію соотвѣтствуетъ вполне жениху и другой такой врядъ-ли отыскать, но она имѣетъ одинъ только здоровый глазъ и прихрамываетъ на одну ногу. Амачъ скроетъ это; ни сколько не стѣсняясь, онъ нарисуетъ предъ своимъ кліентомъ образъ красавицы и скажетъ, что такова его невѣста. Слѣпоту и храмоту своей невѣсты женихъ узнаетъ только послѣ брака, но тогда уже поздно отказываться отъ нея. За то ужъ нельзя соврать относительно фамильнаго и имущественнаго положенія невѣсты. Хотя бы бракъ былъ заключенъ, но если окажется нарушеніе основныхъ требованій, онъ расторгается и амачъ остается ни съ чѣмъ. Онъ только тогда выигрываетъ, когда бракъ состоится нерушимо.

Какъ бы то ни было, амачъ играетъ важную роль въ Абиссиніи при заключеніи браковъ и нерѣдко злоупотребляетъ своею ролью, повидимому, даже безнаказанно. Но наказаніе для него есть: это общественное мнѣніе. Плохо зарекомендовавшій себя амачъ, понятно, не будетъ пользоваться симпатіями общества и кажется ему не долго прійдется практиковать, такъ какъ едва-ли кто согласится получить послѣ брака вмѣсто красавицы уroda.

Когда съ обѣихъ сторонъ—жениха и родителей невѣсты послѣдуетъ заочное согласіе на бракъ, дѣло амача еще не окончилось. Теперь онъ долженъ быть посредникомъ между родителями жениха и невѣсты при заключеніи договора относительно мѣста и времени перваго свиданія родствен-

никовъ обѣихъ сторонѣ. Мѣстомъ свиданія чуждыхъ другъ другу родовъ, намѣреющихся стать теперь своими, выбирается пунктъ, лежащій на половинѣ пути между мѣстожительствами брачующихся сторонѣ. Амачь сначала узнаетъ отъ родственниковъ жениха о времени, когда они намѣрены устроить свиданіе съ родственниками невѣсты и объ этомъ немедленно сообщаетъ въ домъ невѣсты. Тутъ со стороны семейства невѣсты по той или иной причинѣ можетъ послѣдовать несогласіе на предполагаемое со стороны жениха время свиданія, такъ что амачу, можетъ быть, не разъ и не два придется путешествовать отъ одного дома къ другому, пока не будетъ, наконецъ, установлено обоюдное согласіе относительно времени свиданія. Что касается выбора мѣста свиданія, то это уже дѣло самаго амача. Онъ самъ, хорошо ознакомившійся съ промежуточною мѣстностью между сводимыми имъ домами во время своихъ частыхъ путешествій, выбираетъ удобную и живописную поляну или дубраву (амачъ тоже не лишень эстетика), лежащую въ срединѣ пути отъ того и другаго дома. О мѣстѣ онъ тоже долженъ извѣстить тѣхъ, кому слѣдуетъ быть на предстоящемъ свиданіи сводимыхъ родовъ. Въ назначенный день въ условленное мѣсто сходятся родичи изъ фамилій жениха и невѣсты. Тутъ въ первый разъ встрѣчаются дотолѣ чуждые другъ другу роды. Во главѣ ихъ стоятъ родители. Сшедшись, оба рода заключаютъ завѣтъ, клятву— „калчадалъ“ въ томъ, что они отнынѣ стануть своими, будутъ свято хранить узы родства, будутъ пещись другъ о другѣ и проч. Родители жениха сверхъ того клянутся предъ родителями невѣсты въ томъ, что они будутъ любить и жаловать невѣсту, беречь ее, какъ свою дочь, а родители невѣсты съ своей стороны обѣщаются любить и жаловать жениха, какъ своего родного сына. Затѣмъ тутъ же всѣ родичи совѣщаются вмѣстѣ относительно времени вѣнчанія и, согласившись въ этомъ, расходятся въ свои стороны. Время вѣнчанія обыкновенно откладывается на полгода или даже на годъ для того, чтобы можно было успѣть сдѣлать нужныя приготовленія къ свадьбѣ.

Приготовленія идутъ одновременно въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты, но такъ, что олинъ домъ не знаетъ, что происходитъ въ другомъ. Со стороны жениха отправляютъ

во всѣ ближайшія села и поселки, города и мѣстечки рабовъ и слугъ къ друзьямъ и родственникамъ съ приглашеніемъ на брачный пиръ. Тоже дѣлается и со стороны дома невѣсты по отношенію къ ея родственникамъ и друзьямъ ея дома. Кромѣ того женихъ избираетъ себѣ союзниковъ— „аркъ“. Въ этотъ союзъ онъ приглашаетъ только самыхъ близкихъ и любимыхъ своихъ друзей, въ количествѣ 7—12 человекъ. Назначеніе членовъ союза—быть неотлучно при особѣ жениха, веселить и развлекать его. Для брачнаго торжества нарочито устраивается особое помѣщеніе, называемое дасъ-куща. Это зданіе необыкновенно большихъ размѣровъ, четверугольной формы, предназначенное для 500, а то и для 1000 или даже для нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Строится оно изъ дерева и недалеко отъ дома. Точно такая же куща воздвигается возлѣ дома невѣсты; такимъ образомъ.—Вкапываются въ землю жерди на близкомъ разстояніи другъ отъ друга: это скелетъ стѣнъ. Промежутки между столбами заполняются снопами зелени, прикрѣпляющимися къ столбикамъ веревками, такъ что сквозь стѣну нельзя видѣть внутренности кущи. Крыша зданія устраивается изъ плотно прилегающихъ другъ къ другу бревенъ, поверхъ которыхъ нагромождаются хворостъ, древесныя листья и трава. Это для того, чтобы лучи солнца не проникали во внутрь зданія. Потолокъ поддерживается кромѣ стѣнъ нѣсколькими столбами, вкопанными въ землю внутри кущи. Для входа предназначаются два отверстія, примыкающія къ передней стѣнѣ съ противоположныхъ концовъ. Полъ кущи усыпается мелкой листвою съ примѣсью душистыхъ травъ. Устѣны, возлѣ которой устроены входы, закапываются въ землю въ рядъ чаны съ виномъ и любимыми напитками ависсинцевъ. Обстановку кущи составляютъ длинныя приземистыя столики въ $\frac{1}{2}$ аршина вышины, идущіе рядами вдоль боковыхъ стѣнъ, образуя посрединѣ зданія широкую дорогу отъ входовъ къ задней глухой стѣнѣ. У этой стѣны на землѣ стелется яркій искусно вытканный коврикъ: это сѣдалище для невѣсты. Правая сторона кущи предназначается для сторонниковъ жениха, а лѣвая—для сторонниковъ невѣсты; въ переднемъ же углу дѣлается небольшое возвышеніе изъ земли съ 2-3-мя столами для старѣйшинъ и наиболѣе почетныхъ лицъ въ томъ числѣ и для

священниковъ. Кромѣ того съ боку къ кущѣ пристраивается особое небольшое помѣщеніе для жениха и его „союза“, сообщающаеся съ кущей посредствомъ двери.

Когда приближается время свадьбы,—въ дома жениха и невѣсты прибываютъ приглашенныя на бракъ лица, при чемъ приходятъ не съ пустыми руками, а съ богатыми подарками. Каждый приноситъ то, чѣмъ богатъ. Доставляются обыкновенно съѣстные припасы и даже скотъ. Напримѣръ: одинъ пригоняетъ десятокъ быковъ, другой—овець; третій приноситъ кадку масла, сносятъ корзинами хлѣбы, плоды, бочками вино, молоко, постное масло, пиво, медъ, воскъ и проч. Въ домъ невѣсты сверхъ-того ея родственники и знакомые приносятъ богатые ткани, хорошо выдѣланные изъ рога бокалы, львиныя и леопардовыя шкуры, груды золота, серебра и проч. Эти подарки потомъ въ день брачнаго торжества переходятъ въ руки жениха, какъ мы увидимъ ниже.

На свадебное торжество всѣ пріѣзжаютъ въ пышныхъ одеждахъ, утомляющихъ зрѣніе своей бѣлизной. Мушцины стараются блеснуть своими доспѣхами. Особенная честь охотнику, потому что только онъ имѣетъ право надѣть ружье, свидѣтельствующее всѣмъ объ его охотничьихъ дарованіяхъ.

Наконецъ, женихъ въ сопровожденіи своего „союза“ и ближайшихъ родичей отправляется въ страну невѣсты, разчитывая такъ, чтобы прибыть въ ея домъ вечеромъ наканунѣ назначеннаго для свадьбы дня, а родные и друзья невѣсты въ тотъ вечеръ, когда долженъ прибыть женихъ, отправляются за городъ или село встрѣчать его. Тамъ они располагаются на травѣ въ ожиданіи его. Какъ только покажется изъ-заутесовъ и горъ караванъ навьюченныхъ людьми верблюдовъ и муловъ, сидящіе на травѣ вскакиваютъ въ своихъ мѣсть и съ музыкою и плясками бѣгутъ навстрѣчу дорогимъ гостямъ. И вотъ подъ звуки барабановъ, кимваловъ, бубновъ, скрипокъ, трубъ, балалаекъ, флейтъ, подъ клики мушцинъ и жепшинъ происходитъ торжественное свиданіе жениха съ родичами невѣсты: тутъ въ первый разъ они видятъ своего нареченнаго зятя. Невѣста же съ матерью и сестрами не бываетъ на этомъ свиданіи: она остается съ ними въ своемъ домѣ. Съ мѣста свиданія

изъ-за города соединенная толпа изъ ожидавшихъ и прибывшихъ съ музыкой, криками и пляской направляется въ городъ, по улицамъ города въ дасъ-кущу. Тутъ уже устраиваются настоящіе танцы; веселіе и пиръ продолжаются чуть-ли не до самаго утра,—утра того самаго дня, въ который предстоитъ заключеніе брака. Въ этотъ день, приблизительно въ полдень во вновь убранной и очищенной отъ столовъ кущѣ собирается все множество прибывшаго на бракъ народа. Сторонники жениха размѣщаются на правой сторонѣ кущи, сторонники невѣсты—на лѣвой; старѣйшины, духовенство и родители того и другой на эстрадѣ, а женихъ—въ толпѣ своихъ сторонниковъ. Всѣ ожидаютъ торжественнаго входа невѣсты. Но вотъ показалась „она“. Ее несетъ рабъ на своихъ плечахъ. Все лицо невѣсты плотно обтянуто бѣлой фатой, въ которой сдѣланы лишь отверстія для глазъ и кончина носа. Она медленно подвигается по кущѣ, подъ звуки рыданій и всхлипываній своихъ сестеръ и подругъ. Рабъ бережно сажаетъ ея на предназначенномъ коврикѣ. Вслѣдъ затѣмъ ударяютъ въ бубны, звуки которыхъ подхватываетъ весь хоръ музыкантовъ. Въ этотъ моментъ со стороны жениха поднимаются два человѣка, два лучшихъ его друга, и выступаютъ на средину, — на пустое пространство кущи. Они одѣты въ роскошныя брачныя одежды; одинъ имѣетъ въ рукѣ копье, а другой ружье, по которому видно, что онъ охотникъ. Они становятся на противоположныхъ концахъ кущи, изображая собою противниковъ. Одинъ дѣлаетъ видъ, что старается метнуть въ своего врага копье, а этотъ прицѣливается, чтобы выстрѣлить. Это они дѣлаютъ всякій разъ, когда, перебѣжавъ одновременно въ противоположные концы кущи, останавливаются другъ противъ друга. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ охотникъ стрѣляетъ въ своего противника—съ копьемъ, который, прикинувшись убитымъ, падаетъ ницъ. Этимъ роль первыхъ плясуновъ заканчивается. Они подходятъ къ родителямъ невѣсты, кланяются имъ въ ноги и за это получаютъ подарки—въ пользу жениха, которые тутъ же забираетъ прямо изъ рукъ даящихъ экономъ жениха. Затѣмъ выступаетъ въ качествѣ плясуна отецъ жениха, или же самый близкій родственникъ его, потомъ пляшутъ братья его и т. д. Всѣ они получаютъ отъ родителей невѣсты богатые подарки, которые вручаются опять

эконому жениха. Наконецъ, съ новымъ взрывомъ музыкальных звуковъ, изъ толпы, заполняющей правую сторону кущи пробирается одинъ человѣкъ. Онъ бодро выступаетъ на средину, предъ взоры всѣхъ, прекрасный въ своей очаровательной брачной одеждѣ, сверкая блестящимъ щитомъ. Голова его повязана красной шелковой лентой; чудный, бѣлоснѣжный камисъ (хитонъ), шитый бисеромъ и изумрудами, стянутъ краснымъ поясомъ съ золотыми уборами и побрякушками. Взоры всѣхъ напряженно сосредоточились на этомъ человѣкѣ, потому что это женихъ. Онъ впервые выступастъ такъ открыто и невѣста въ первый разъ можетъ теперь полюбоваться на него. Онъ будетъ плясать, какъ и другіе, поэтому родители и всѣ родственники невѣсты припрятали для него уже самые цѣнные подарки. Наступаетъ моментъ блеснуть имъ своими богатствами. Всѣ ждали этой минуты и заготовили для нея все самое лучшее. Въ качествѣ притивника жениху выступаетъ первѣйшій его другъ. Оба они, пройдя извѣстные уже намъ фигуры, подходятъ поочередно къ родителямъ и ближайшимъ родичамъ невѣсты и кланяются имъ въ ноги. Экономъ тутъ какъ-тутъ съ своей знаменитой торбой, въ которую посыпятся сейчасъ всѣ цвѣты, весь блескъ богатствъ славной невѣстиной фамилии. Женихъ поклонившись тому или другому родичу, не идетъ дальше, пока бездонная торба не получитъ своей доли. Пока женихъ кланяется, жадная торба глотаетъ куски шелку, бархату, драгоценные камни, груды золота и серебра, лвиныя шкуры, слоновыя клыки и проч. и проч. Всѣ эти богатства бросаются такъ, чтобы всѣ видѣли. Самъ женихъ постоянно останавливается, чтобы видѣть, кто что даетъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему нужно знать это.

Послѣ перваго сбора слѣдуетъ опять пляска. Пляшетъ опять женихъ и опять кланяется, а исхудалая торба, успѣвшая уже изрыгнуть изъ себя драгоценное бремя въ маленькой кущѣ жениха, снова, какъ голодный звѣрь, набрасывается на новыя и еще лучшія блюда, раскрывая предъ каждымъ родичемъ невѣсты свою ненасытную пасть. Наконецъ, третья пляска и третій сборъ. Послѣдняя пляска и послѣдній сборъ подарковъ, изъ которыхъ свивается корона, вѣнчающая знатность и богатство всего невѣстиного рода! Это финаль и знамя побѣды цѣлой фамилии. Послѣ этого

совершается уже самый бракъ. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ и беретъ ея правую руку. Большой палецъ и мизинецъ его правой руки скрѣпляется съ большимъ пальцемъ и мизинцемъ ея правой руки. Въ этотъ моментъ заключается брачный завѣтъ, при чемъ молодую чету окружаютъ родители и родичи, прикрывая брачующихся своими одеждами. Они прислушиваются къ словамъ клятвъ, чтобы быть свидѣтелями. Молодые обыкновенно клянутся въ томъ, что они отнынѣ будутъ составлять одно тѣло, пешишь другъ о другъ, переносить сообща скорби и лишенія, не обижать другъ друга и проч. Съ этого времени женихъ и невѣста становится мужемъ и женою!...

Въ Абиссиніи различаются два брака: церковный и гражданскій. Послѣдній встрѣчается чаще; это потому, что первый считается нерасторжимымъ. Развестись супругамъ, повѣнчаннымъ церковью, нельзя. Кто же не смотря на всю строгость этого закона, разоидется съ своею женою послѣ церковнаго брака, тотъ получаетъ въ народѣ прозваніе „нарушителя закона“ и подвергается всеобщему презрѣнію. Поэтому большая часть абиссинцевъ довольствуется гражданскимъ бракомъ. Но и тутъ наблюдаются извѣстныя границы. Гражданскій бракъ т. е. свободный, не прегятствующій разводу, продолжается лишь до тѣхъ поръ, когда супруги послѣ обычной исповѣди у духовника и установленной эпитиміи причастятся въ храмѣ св. таинъ. Съ этого времени бракъ ихъ становится законнымъ, освященнымъ церковью и, слѣд., нерасторжимымъ. Оттого нѣкоторые, живущіе въ гражданскомъ бракѣ абиссинцы долго воздерживаются отъ исполненія христіанскаго долга говѣнія, которое нерасторжимыми цѣпями скрѣпляетъ ихъ дотолѣ слабая узы. Духовникъ на такихъ лицъ налагаетъ строгую эпитимію. Въ день причащенія св. Таинъ супруги устраиваютъ скромный обѣдъ, на который приглашаютъ только своихъ ближайшихъ родственниковъ и духовенство. Это нѣчто въ родѣ скромнаго брачнаго пира по случаю новыхъ брачныхъ узъ. Только духовныя лица не въ правѣ жить въ гражданскомъ бракѣ, который хотя является въ Абиссиніи *de jure* не законнымъ, но *de facto* общепризнаннымъ и распространеннымъ.

Церковный бракъ совершается такъ. Священникъ, за-

ранѣе предупрежденный о предстоящемъ бракѣ, наблюдаетъ, чтобы онъ не былъ заключенъ въ близкихъ степеняхъ родства (отъ 1-й до 6-й ст. включительно). Обойти законъ тутъ не удастся, потому что всюду есть такъ называемые „ревнители закона“, отъ которыхъ не укроется ни одинъ нарушитель церковныхъ постановленій. Эти ревнители не официальные лица, но ихъ голосъ имѣетъ непреодолимую силу, какъ голосъ самаго закона. Если священникъ повѣнчаетъ лицъ въ близкихъ степеняхъ родства, ревнитель закона потребуетъ расторженія такого брака и его приказанію должны повиноваться.

Въ день, назначенный для церковнаго брака женихъ съ своими родственниками приходитъ въ храмъ и становится на лѣвой, мужской его половинѣ. Потомъ приходитъ и невѣста, закрытая фатой. Когда священнослужители выйдутъ изъ алтаря на средину храма, родичи жениха подводятъ его къ ступенямъ амвона, между тѣмъ съ другой стороны подводятъ къ нему и невѣсту. Брачующіеся становятся рядомъ. Старшій священникъ послѣ извѣстныхъ молитвъ и чтеній Апостола и Евангелія, накрываетъ жениха и невѣсту церковнымъ покровомъ, соединяетъ ихъ руки и читаетъ слова брачнаго завѣта. Эти слова вслѣдъ за священникомъ повторяютъ брачующіеся въ присутствіи тутъ же родителей. Потомъ служится непременно литургія, за которой новобрачные причащаются св. Таинъ. По выходѣ изъ храма родственники условливаются относительно времени брачнаго торжества, и въ назначенный день всѣ собираются въ свадебной кушѣ и проводятъ тамъ время извѣстнымъ намъ образомъ.

Свадебное торжество въ домѣ невѣсты продолжается дня три, послѣ чего оно передвигается въ страну жениха. Всѣ отправляются туда. Невѣста тоже ѣдетъ, забравъ съ собою любимыхъ служанокъ и въ сопровожденіи наиболѣе преданныхъ подругъ. Въ кушѣ жениха пиръ и веселіе продолжаютъ тоже дня три и потомъ гости разъѣзжаются. Колоссальная куща-дась уничтожается. Съ женихомъ остается только „аркъ“, союзъ преданнѣйшихъ друзей. Новобрачная чета вмѣстѣ съ „аркомъ“ поселяется въ новомъ домѣ, нарочито для нея выстроенномъ рядомъ съ домомъ родителей жениха. Члены „арка“ остаются при женихѣ послѣ свадьбы на цѣлый мѣсяцъ, а то и болѣе. Въ теченіи этого времени они

успѣвають посѣтить всѣ близъ лежащія и не близъ лежащія города и села, деревни и мѣстечки, собирая всюду подарки для новаго дома. При чемъ они пользуются неограниченной свободой. Имъ позволяется все. Войдя въ домъ, они шутятъ съ хозяиномъ и хозяйкой, и выманиваютъ вещи. Имъ даютъ пшеницу, быковъ, овецъ, масло, шерсть, шкуры и даже золотыя и серебряныя вещи, а то прямо куски золота и серебра. Получивъ въ одномъ домѣ, что дадутъ, союзники идутъ въ другой по порядку. А за ними вслѣдъ ѣдутъ слуги съ нагруженными ослиами. Всѣ знаютъ, что это пришелъ „аркъ“; многіе стараются при этомъ спрятать цѣнныя вещи, чтобы они не лежали на виду, такъ какъ члены „аркъ“ способны къ опустошенію; они не стѣсняясь захватываютъ все, что попадаетъ имъ подъ руки или на глаза, шарятъ и рыскаютъ въ амбарахъ и подвалахъ, какъ у себя дома, и это не вмѣняется имъ въ вину: они дѣлаютъ свое дѣло и стараются не для себя. Вечеромъ они возвращаются домой, разгружаютъ ослевъ, а на утро снова отправляются за добычей: такъ дѣлаютъ во все время своего пребыванія въ союзѣ—„аркъ“.

Наконецъ въ 30-й или 40-й день со дня брака празднуется отданіе свадьбы. Въ маленькой уже куцѣ собираются только ближайшіе родственники новобрачныхъ. Торжество продолжается одинъ день, послѣ чего „аркъ“—союзъ расторгается; неврѣста вступаетъ въ права хозяйки дома. Черезъ полгода она имѣетъ право ѣхать къ своимъ роднымъ на свиданіе. Случается, что брачная пара и совсѣмъ переселяется къ родителямъ неврѣсты, если по обоюдному согласію будетъ признано болѣе удобнымъ устроиться на жительство именно тамъ. Только для новой четы обязательно строится новый домъ и все имущество жениха переносится на новое мѣстожителство.

Въ ависсинской семьѣ царитъ патриархальность. Глава семьи—отецъ; онъ судія, законодатель и рѣшитель судебъ для всѣхъ членовъ семьи. Жена боится своего мужа и стоитъ въ полной зависимости отъ него. Мужу ввѣряется надзоръ за ея поведеніемъ. Онъ имѣетъ право бить свою жену за малѣйшее ослушаніе. Обыкновенно провинившуюся жену мужъ раздѣваетъ до гола, привязываетъ къ столбу и, заперевъ двери дома, вдоволь прохаживается по ея тѣлу

плетью. Таже участь и непослушныхъ дѣтей. Они не имѣютъ никакого права голоса. Ни сынъ, ни дочь не имѣютъ права располагать своею судьбою. Выраженіе: „я думаю жениться“ — немислимо въ устахъ абиссинскаго юноши. Одни родители, иногда вовсе безъ вѣдома ихъ сына, устраиваютъ его бракъ; онъ узнаетъ объ этомъ только тогда, когда нужно ѣхать вѣнчаться. Дѣвочекъ держать еще строже. За исключеніемъ крестьянской, въ другихъ семьяхъ дѣвочкамъ не позволяется однѣмъ выходить изъ дому. Для мальчиковъ больше свободы. Они, собираясь вмѣстѣ изъ сосѣднихъ домовъ, затѣваютъ игры въ мячъ, въ прятки, въ солдаты и проч. Въ аристократическихъ семьяхъ къ дѣтямъ приставляется гувернеръ. Это монахъ или священникъ, который учитъ дѣтей грамотѣ, чтенію и даже заучиванью наизусть псалтири. Какъ говорилось въ своемъ мѣстѣ, знаніе наизусть псалтири считается въ Абиссиніи признакомъ аристократизма. Почетное названіе, прилагаемое къ интеллигентному человѣку: „дека-мезмуръ“ — значитъ буквально „псалтирный сынъ“. Интересное явленіе, что всѣ почти благочестивыя семейства Абиссиніи имѣютъ въ своемъ домѣ духовное лицо: монаха или священника. Это лицо считается ангеломъ хранителемъ дома. Онъ молитвенникъ за всю семью, совѣтникъ, наставникъ. Голосъ его имѣетъ большое вліяніе въ семьѣ, даже на главу ея — отца. Когда кто заболѣетъ въ домѣ, духовный другъ дома совершаетъ за здравныя молитвы; онъ исповѣдуетъ больного въ случаѣ опасности смерти и является исполнителемъ послѣдней воли умирающаго — выслушиваетъ изъ его устъ духовное завѣщаніе.

Мужъ, хоть и наказываетъ жену плетью, все же имѣетъ въ ней совѣтницу себѣ; съ ней онъ раздѣляетъ заботу о дѣтяхъ, о хозяйствѣ и проч. Обыкновенно дѣти до брака своего живутъ неотлучно при родителяхъ, раздѣляя съ послѣдними ихъ образъ жизни, который, такимъ образомъ, естественно является наслѣдственнымъ; отсюда также, семья — это практическая школа, обучающая дѣтей тому поведенію, образу жизни, тѣмъ занятіямъ и способу существованія, какія практиковались въ семьѣ. Абиссинское семейство живетъ обыкновенно самозаклученно, въ слабой связи съ окружающимъ обществомъ, потому семейныя связи въ Абис-

синиі особенно сильны. Только во время полевыхъ работъ, по необходимости бываетъ сближеніе крестьянскихъ семей, да и то на время; у аристократовъ же за отсутствіемъ работъ не бываетъ и этого. „Сидѣть дома въ кругу своей семьи“—вотъ девизъ абиссинца. За то и родовая месть въ Абиссиніи въ большомъ ходу. Родственники убитаго преслѣдуютъ убійцу изо всѣхъ силъ, чтобы представить его на судъ негуса. Если подозрѣваемый будетъ признавъ на судѣ ликаонта виновнымъ, палачъ отдаетъ связаннаго преступника родственникамъ убитаго. Тѣ дѣлаютъ съ убійцей, что хотятъ. Такъ, напр., каждый поочередно подходитъ къ нему и причиняетъ ему страданія: первую подходитъ мать убитаго и выкалываетъ убійцѣ глаза. Отецъ бьетъ его по головѣ палкой, братья наносятъ раны копьями, дѣвушки колятъ преступника въ лицо иголками и т. д. Но бываютъ сострадательные родственники, которые прощаютъ убійцу со словами: „Богъ съ нимъ! родной нашъ убитъ и не воскреснетъ“. Но отпуская убійцу, родители требуютъ отъ него плату.

Е. Долганевъ.